

С. С. ДЖИКИЯ

О ГРУЗИНСКО-АЗЕРБАЙДЖАНСКИХ ЯЗЫКОВЫХ ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ¹

Закавказские народы—азербайджанцы, армяне, грузины—в обстановке добрососедских отношений в течение ряда веков жили бок о бок и порой объединёнными усилиями дружно боролись против иностранных интервентов и внутренних поработителей в защиту своих национальных интересов.

В частности, сотрудничество в борьбе против общего врага, содружество и взаимопомощь двух братских народов—азербайджанцев и грузин в различных областях народного хозяйства и культуры, непреклонно развивавшиеся испокон веков, не могли не способствовать сильному взаимодействию азербайджанского и грузинского языков и не могли не обусловить рост словарного состава одного языка лексическими элементами другого².

Общезвестно, что трудно найти такой язык, который дошёл бы до ступени современного своего развития без взаимодействий с другими языками. Близкое соседство азербайджанского и грузинского народов на сравнительно небольшой территории обусловило развитие азербайджанского и грузинского языков и по закону взаимодействия языков. Здесь же нужно припомнить и то обстоятельство, что до установления контакта с грузинским народом, азербайджанский народ прошёл свой длительный исторический путь и на этом пути условия развития азербайджанского языка были далеко не однообразны. В частности, несомненным фактом считается то обстоятельство, что язык соседявшегося с Грузией кавказского племени албанов сыграл значительную роль в деле лексического обогащения азербайджанского языка³. Взаимоотношения с албанским—это один из исторических периодов развития азербайджанского языка, завершившегося отмиранием албанского языка. Изучение резуль-

¹ Доложено на Научной сессии Академии Наук Грузинской ССР, посвященной XXXIII годовщине установления Советской власти в Азербайджане, 5.V.1953 г. (печатается в изменённом виде: вступление сокращено, в некоторой степени статья дополнена иллюстративными материалами).

² В этом разрезе интересна статья Ю. Мирбабзева: О взаимовлиянии, взаимосвязи или, точнее, общности азербайджанского и армянского языков—„Труды Института языка“ Азербайджанской АН, т. I, Баку, 1947, стр. 15—22.

³ „Азербайджанский язык“, БСЭ, I (II изд.), М., 1949, стр. 486; проф. Э. М. Дамирчизадэ. Азербайжан дилинин инглаб мейвеси. „Азербайжан ССР Элмлер Академиясынын хәбәрләри“, № 10, Баку, 1947, стр. 167.

татов этого скрещения элементов языка субстрата с азербайджанским одна из интереснейших задач азербайджанского языкознания.

Помимо элементов албанского субстрата, в лексический состав азербайджанского языка проникали слова тех языков иберийско-кавказской группы, в окружении которых шло дальнейшее развитие азербайджанского языка. В этом разрезе особое внимание обращают на себя азербайджанско-грузинские языковые взаимодействия, что и составляет предмет данной статьи. Этот большой и трудоемкий вопрос мало изучен и мы попытались на этот раз в пределах имеющихся в нашем распоряжении материалов, пока что, лишь выдвинуть этот вопрос и наметить некоторые характерные моменты взаимодействия языков двух братских народов¹.

Благодаря благотворным взаимодействиям, словарный состав грузинского языка пополнялся и обогащался за счет словарного состава азербайджанского языка и азербайджанский язык, в свою очередь, черпал из языка дружественного народа — грузин слова, способствующие росту его лексики.

Анализ т. н. заимствованных лексических элементов и классификация их с точки зрения значений слов позволяют порой наметить и те отрасли хозяйственной и культурной жизни народов, которые у одних были более развиты и усовершенствованы, чем у других народов.

Конкретно говоря, классификация заимствованного грузинского материала в азербайджанском показывает, что эти слова относятся к обработке земли, виноградарству и виноделению, продуктам земледелия. Азербайджанские же лексические элементы в грузинском затрагивают такие стороны народного хозяйства, как животноводство, продукты рыбной промышленности, кулинария и прочие.

В этом аспекте, даже при частичном только изучении лексических материалов, мы имеем возможность наметить конкретные факты не только языковых взаимодействий, но и истории культурно-хозяйственных отношений данных народов.

Сперва мы коснемся тех грузинских лексических элементов, которые присутствуют в азербайджанском языке. В этом отношении следует подчеркнуть то обстоятельство, что азербайджанский народ заимствует ряд сельскохозяйственных терминов у своего собрата — грузинского народа.

Еще в 30-х годах нашего века крупнейший историк акад. И. А. Джавахишвили в одном из своих капитальных трудов «Экономическая история Грузии» при изучении вопросов происхождения и постепенного усовершенствования сельскохозяйственных орудий в Грузии пришел к весьма значительным выводам. В результате сравнительного изучения сельскохозяйственных орудий и тщательного филологического анализа названий этих предметов, покойный ученый выяснил, что «Древняя Грузия

¹ Об языковом влиянии кавказских языков на азербайджанский в области, главным образом, фонологии см. статью проф. Н. К. Дмитриева: Некоторые вопросы азербайджанского языкознания: «Труды Азербайджанского государственного университета имени С. М. Кирова», серия филологическая, выпуск III, Баку, 1949, стр. 62—63; а также: проф. М. Ширалиев. О звуке „h“ в азербайджанском языке. Там же, стр. 67—68.

имела высокую земледельческую культуру¹ и соседние народы — армяне, азербайджанцы, северо-кавказские и другие в определенных случаях заимствовали от грузин как усовершенствованные сельскохозяйственные орудия, так и усовершенствованную технику обработки земли², следовательно, и соответствующие термины.

Акад. И. А. Джавахишвили в этом случае, наряду с другими терминами, имеет в виду груз. слово гутан в значении плуга, которое бытует в Азербайджане в форме котан³. И. А. Джавахишвили установил, что за исключением азербайджанцев, у всех родственных с ними народностей „плуг“ обозначается словом сапан-сабан. Это замечание академика вполне подтверждается данными словарей (напр., В. Радлова и других национальных словарей). По мнению И. А. Джавахишвили, с этой точки зрения единственное исключение составляют азербайджанцы, которые не имеют термина сабан. Если учесть то обстоятельство, что „начиная от Казани и до Стамбула“ для обозначения „плуга“ у родственников с азербайджанцами племен имеется слово сабан, то станет очевидным, что у закавказских азербайджанцев местное (грузинское) название плуга гутан, котан вытеснило из употребления общетюркское сабан⁴.

В настоящее время в нашем распоряжении имеется целый ряд языковых материалов, которые вполне подтверждают вышеотмеченное мнение.

В одной своей статье „Об одном грузинском термине коллективного труда в тюркских языках“⁵, мы имели случай показать распространение в азербайджанских диалектах на территории Грузии грузинского термина „могдам || модам“, который имеет значение коллективной обработки земель.

В этой же статье было отмечено также, что в азербайджанской речи Марнеульского района ССР Грузии употребляется грузинское слово „тохи“ (‘мотыга’). Интересно, что С. П. Зелинский приводит это слово для азербайджанского и в форме *توخری* „тохри“⁶. Это слово в форме „*თოჯი*“ засвидетельствовано в грузинском памятнике XI века, а именно, в сочинении Георгия Мтацминдзе „Житие Иоанна и Ефимия“⁷.

Как мне сообщила доц. Нв. П. Кавтарадзе, глагол от слова тохи (*მოუთოჯბმ* — моутохио) в грузинском встречается еще в памятнике IX века⁸. Пока мы не располагаем сведениями о времени проникновения этого слова в азербайджанский язык. Но теперь выясняется, что терри-

¹ Экономическая история Грузии, I (на груз. яз.), Тбилиси, 1930, стр. стр. 248, 249, 250, 251, 260, 263.

² Русско-азербайджанский словарь, Баку, 1943, III, стр. 527; также С. М. Гавиев. Русско-тюркский словарь. Баку, 1922, стр. 307.

³ Ив. Джавахишвили, Экономическая история Грузии, I (на груз. языке), Тбилиси, 1930, стр. 248.

⁴ Журн. „Иберийско-кавказское языкознание“, I, Тбилиси, 1940, стр. 393—398.

⁵ С. П. Зелинский, Объяснительный словарь татарских, грузинских и армянских слов, вошедших в „Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян Эвк. края“, Тифлис, 1889, стр. 66.

⁶ Ив. Джавахишвили, Указ. сочинение, стр. 210, 211.

⁷ Две древних редакции грузинского четвероглава по трем шатбердским рукописям (897, 936, 973 г.г.). Издал А. Шатберд, Тбилиси, 1945, стр. 214.

14. ენათმეცნიერების ინსტ. შრომები (აღმოსავლური ენათა სერია), ტ. II

тория распространения этого слова обширна и оно в форме тоха бытует не только в азербайджанской речи в Грузии, но оно вообще вошло в лексический состав азербайджанского языка, как это видно из четырехтомного русско-азербайджанского словаря: «мотыга—тоха»¹. Что это слово глубоко внедрено в азербайджанский быт видно из того, что оно дало новое образование в виде глагола тохадамаг и диалектных тоха вурмаг и тоха дэймэк ('полотić').

О творческом сотрудничестве азербайджанцев и грузин в области сельского хозяйства свидетельствует также грузинское слово მარგლი маргиль — მარგოლ-ი, которое зафиксировано С. П. Зелинским в числе азербайджанских сельскохозяйственных терминов². По Зелинскому слово «маргиль» значит: «таркалышк, употребляется для подвязывания виноградных лоз»³.

У С. С. Орбелиани в словаре о слове «маргиль» читаем: «მარგოლი ხე წვერწათლილი დახარკობი» 'маргиль это—деревянная палка с отточенным концом, его вбивают в землю'⁴. По всей видимости, «маргиль» восходит к грузинскому глаголу «რგვა» 'сажать'.

О встречах азербайджанцев с грузинами в области виноделия, свидетельствует слово чэчэ, которому дано следующее объяснение: «выжимки виноградных ягод; чэчэ арагы—'водка из выжимок винограда', 'виноградная водка'»⁵. Нетрудно, конечно, фонетически в азербайджанизованном слове чэчэ видеть грузинское «чача» (ჭაჭა) с тем же значением. Эта фонетическая транскрипция обусловлена совершенно точными закономерностями. Общеизвестно, что грузинские т. н. абруштивные согласные ჭ, რ, ჭ, ზ, ც и др. в азербайджанском и в других родственных с ним языках переходят в звонкие соответствующего ряда—дж, б, д и прочие. Грузинскому же гласному «а» в азербайджанском соответствует гласный переднего ряда э.

Итак, грузинское ჭაჭა дало нам в азербайджанском чэчэ (срavn.: груз. აჭარა в аз-ском Әчәрә, срavn.: русское Аджария и др.).

Проф. Арп. Чикобава основу слова ჭაჭა («чача») считает общекартвельской основой⁶.

К виноградарству же имеет отношение и слово talvaг—طالوار, которое содержится в азербайджанском словаре С. П. Зелинского и т. п.,⁷ и означает 'навес, чердак'. «Талапари», существование которого засвидетельствовано в грузинских памятниках V—VI веков, как доказано в

¹ Русско-азербайджанский словарь. II, Баку, 1941, стр. 540.

² С. П. Зелинский, Указ. сочинение, стр. 45.

³ Там же.

⁴ С. С. Орбелиани, Грузинский словарь (XVIII века), Изд. под редакцией проф. И. Кипшидзе и проф. А. Шанидзе, Тбилиси, 1928, стр. 195.

⁵ Азербайджанско-русский словарь, Баку, 1939, S. v, Русско-азербайджанский словарь, I, Баку, 1940, стр. 394. (S. v. «Выжимки»).

⁶ Чанско-мегрельско-грузинский сравнительный словарь, Тбилиси, 1938, стр. 134.

⁷ Азербайджанско-русский словарь, Баку, 1939, стр. 770.

сцениальной литературе, является термином виноградарства¹. Несомненно, что бытующее с древнейших времен в Грузии слово талавари, значение которого почти совпадает с азербайджанским значением, можно считать грузинским заимствованием в азербайджанском.

Для обозначения определенного сорта винограда в азербайджанском встречается слово «түлкү гүйрүгү». По акад. И. А. Джавахишвили, порода винограда түлкү гүйрүгү в армянском известно под названием «маникут», а «маникут» исковерканное грузинское слово «мелискуд», что значит «лисий хвост» (мел «лиса», куд-и «хвост»).

«Поскольку», заключает акад. И. А. Джавахишвили, подобная этой породе (мелискуд), виноград неизвестен в других тюркских племенах и поскольку в армянском она передается груз. термином «маникут», то не трудно предположить, что азербайджанское «түлкү гүйрүгү» является калькой или переводом с грузинского «мелискуд»².

Как отметил акад. И. А. Джавахишвили «среди населения Ганджинского и Шемахинского уездов» была распространена порода винограда ат-үзүмү, чего в других родственных с азербайджанским языках не имеем. Вероятно, это название представляет также кальку с грузинского слова ობობ-ფიჭუ «лошадный сосок» или ობობ-უჭაფიჭო «лошадный виноград», Заслуживает внимания и тот факт, что в Нахичевани две породы винограда называются «саперн» или «Кахети», в которых не трудно видеть известные грузинские сорта «Саперави» и «Кахури»³.

Надо полагать, что в свое время в Азербайджане в употреблении было в значении «кукурузы» грузинское слово «симили», которое впоследствии было вытеснено азербайджанским «гаргадали». В Центральном историческом архиве Грузии, по фонду № 1044, сохранился документ в печатном виде, а именно: «Ведомость, показывающая в каких именно местах будут производиться торги на поставку провiantа в пропорцию 1838 года» и т. д. Текст этого документа приводится на трёх языках, в том числе и на азербайджанском. В приведенном здесь списке сельскохозяйственных продуктов азербайджанским соответствием грузинского «симили» (ობობფიჭო) и русского «кукурузы» значится سمندر «симиандр», что для этого времени считается грузинской формой «симили» («кукуруза») ⁴.

Считают также, что слово «симили» («кукуруза») проникло в один из кавказских языков — бабийский из грузинского⁵.

¹ Ил. Джавахишвили, Экономическая история Грузии, II, стр. 310.

² Там же, стр. 535—536.

³ Там же, стр. 537.

⁴ «Краткий очерк садоводства в Нахичеване», СМОМПК, XXV, стр. 71, а также стр. 34.

⁵ ЦГИА, ф. № 1044, Архив № 8, лист 55. О происхождении слова «симили» — «симили» см. нашу: Заметки по поводу «симили — семидали». Труды Тбилисского государственного университета имени Сталина, XXX б — XXXI б, Тбилиси, 1947, стр. 437—446.

⁶ Ю. Д. Дешериев, О взаимодействии древнеписьменных, младописьменных и бесписьменных языков в свете Сталинского учения о языке: Сб. «Вопросы теории и истории языка в свете трудов И. В. Сталина по языкознанию», М., 1952, стр. 466.

К этой же отрасли сельского хозяйства примыкает и заимствованное из грузинского слово «чак» (ჩაქ)¹, которое является азербайджанской формой известного грузинского слова «чади || мяди» — ჭადი || მჷდი, означающего «кукурузный хлеб». Что касается фонетической стороны, в сл. ჭად-а абрунтив ჯ, как и в слове ჯაჯა — чача, дает и здесь звонкий согласный того же ряда дж-ч — чад.

Такую же фонетическую картину имеем и в заимствованном грузинского слова чинчар (= činear, груз. ჯობჯარ-ი). Слово чинчар отмечено для пухинского диалекта азербайджанского языка проф. Н. Н. Ашмариним переведено русским «кваша». Что слово чинчар вошло в грузинское слово и того, что в азербайджанском и родственных с ним чинчар («дианджар») известен англоязычным словом кичикан (азербайджанское), кесерткан (башкирское). В слове чинчар грузинские абрунтивные согласные (ჯ) переданы азербайджанскими обычными звонкими того ряда (ч).

С точки зрения взаимоотношений наших языков интерес дает и слово «ჭალ». В азербайджанском слово «чала» тоже по официальным словарям значит «долина»². Это слово имеется и в персидском چال (чал) и также «яма, кий колодец»³. В то же время в грузинском имеется čala ჭალა, что объяснено С. С. Орбелиани, значит «плодородный берег реки»⁴. Проф. Е. С. Такайшвили об этом слове говорит, что оно «грузинское и означает низменный берег реки или озера»⁵. По проф. Н. А. Бердзенишвили, «чала» в древней Грузии необходимая часть комплексной территориальной единицы при населенном пункте с развитым сельским хозяйством⁶. Чала, нужно считать, попал в азербайджанский язык из грузинского, тем более, что персидское и данные в азербайджанском словаре значения этого слова «яма, колодец» не характерны для этого слова. «Чала» в азербайджанском, по подробному определению Зелинского, значит: «еще низменные места на поливных землях, а также искусственно орошаемые низины напусковой водой Куры. Подобного рода чалы... славятся своим плодородием»⁷. Как видно, азербайджанское значение слова «чала» вполне совпадает с его грузинским значением, что и позволяет это слово считать заимствованным из грузинского (ср. также употребляемое в группе муганских диалектов слово мэра 'чөкәк ер' ← груз. მერე 'низкое плодородное место')⁸.

¹ Азербайджанско-русский словарь, Баку, 1959, S. v. (Чал — просяной или кукурузный хлеб).

² Н. Ашмарин, Общий обзор народных тюркских говоров г. Пухи, Баку, 1926, 54-64.

³ Русско-азербайджанский словарь, Баку, 1940, т. I, стр. 343.

⁴ Д. В. Миллер, Персидско-русский словарь, Москва, 1953, стр. 161.

⁵ Грузинский словарь, под редакц. проф. Н. Кипшидзе и проф. А. Шанидзе, Тбилиси, 1928, стр. 444.

⁶ Материалы по археологии Кавказа, XII, стр. 57-58.

⁷ Н. А. Бердзенишвили, Агараги (к топонимике старого Тбилиси), «Мимикри», Тбилиси, 1951, стр. 50.

⁸ С. С. Зелинский, Объяснительный словарь..., стр. 74.

⁹ Азербайджан диалекти Муган җану Шиндари, Баку, 1955, стр. 128.

В азербайджанском встречаем также должностной термин — „моурав“.

Н. Зелинский „моурав“ дает следующую интерпрета азербайджанского „моураф“ и арабского **مورف** муэрриф¹.
 Расчет сказано: моураф „устанавливающий границы, управляющий“
 Этот назывались прежде участковые начальники, считавшиеся помощниками уездных начальников².
 От той должностной функции, была характерна в Грузии для института моуравов ра те функции, которые указаны для азербайджанского вероятно отождествление слова „моураф“ арабским **مورف** яв формой причастия дей- значение „распорядителя“ Фонетически гру полнотенне „моураф“ муэрриф-а. Во всяком случае, по форме, и содержанию сви иу груз. слова рна (

В азербай. языках название „инды“ образовано презим Вольмам, нари- мер, **hicki** (в Анголе), (в караклуки- том) и др. В итских „ми-

В азербайдж. Встречается **حرحی** ским херхи (**hərçi**). Проф. Ю. Абуладзе считает это слово азербай- тджанским, с ми сои оном Ак А. И. Шанидзе тобез- но сообщил и в районе Нухи называется **мәнкә** (др.-груз. **ман** **მან** **მან**) ие название мест- ности **ахироби** (груз. **აქირობი** „ахироби“ **ах** — аффикс мн. ч.). Распростра- нение грузинских Грузии районах Азербайджана, быть может, указывает в азербайджанских через албанское

Большой интерес зрение и обратной стороны этого язы- кового взаимодействия. В грузинском языке наличествуют значительные азербайджанские лексические наслоения, специальное изучение которых очень важно не только для установления фактов языкового заимствования, но и для выяснения тех отраслей производственной деятельности, в данном случае азербайджанского народа, которые были характерными для Азербайджана и в которых Азербайджан порои занимал преобладающее положение.

С этой точки зрения бросается в глаза то обстоятельство, что грузинский язык заимствует азербайджанские слова по животноводству³. В этой связи интересны следующие материалы: грузинское **гохла** (**გოხლა**) в „годовалого безусловно является

¹ С. П. Зелинский. Объяснительный словарь..., стр. 48.

² С. М. Гангев, Русско-тюркский словарь, Баку, 1922, стр. 202; М. А. Шира- лиев, Основные принципы создания научной терминологии (на азербайджанском яз.): Труды Института языка Азербайджанской АССР, Баку, 1947, стр. 30. Не думаю, чтобы слово «хырхы» имело какое-либо отношение к турецкому **قرقی** хыркы «овчины для стрижки овец, **ش. سامی — قاموس ترکی**, стр. 1064.

³ Шах-наме или грузинские версии «Книги царей», т. Тбилиси, 1910, стр. 845.

⁴ Любопытно также, что по проф. Л. А. Булахонскому, грузинским в русском „В большинстве это слова, обозначающие бытовые понятия... частота — названия местен лошадей и прочие понятия, относящиеся к коневодству... (Введение в тюркознание, Д., М., 1953, стр. 113).

азербайджанским тоғли¹, которое грузинским лексикографом XVIII века С. С. Орбелиани разъясняется так: თოხლი სხვათა ეხად, ქართულად ბუწი (ტაროგი) ჰქვიაბ—тохли—чужое слово, по-грузински называется бუწი (тариги)².

2. Бытующее в грузинской лексике слово „шишаги“ (შიშაგი) по определению того же С. С. Орбелиани имеет значение ‘ягненка в возрасте свыше одного года’³. Также почти определено это азербайджанское слово у проф. М. А. Ширалиева—„шишек“—2 плик (гоюн)⁴.

3. Таким же азербайджанским словом считается в грузинском „чешини“ (ჭეშინი) которое по С. С. Орбелиани „чужое слово“ в значении „годовалого козленка“⁵.

4. Интересно, что время и процесс окота вообще овец в грузинском называется „доли“ (დოლი). По С. С. Орбелиани, словом доли „по-армянски называется окот животного, (что) по-грузински „извсба“⁶. Видно, что слово „доли“ имело в грузинском точный эквивалент „извсба“ (сравни: „пезви“), но в современном грузинском „извсба“ вытеснено азербайджанским „доли“. Следует отметить, что дöl в азербайджанском означает ‘плод, эмбрион, зародыш’⁷. Исходя из этого в грузинском следует констатировать семантическое изменение данного слова в сторону расширения его значения, т. к. в азербайджанском время и процесс окота обозначается другим словом, а именно „гузудлама“⁸.

5. Несомненно, что грузинское „коч-и“ (ყოჩ-ი) в значении „барана“ восходит к азербайджанскому قوچ гоц с тем же значением.

6. Палаги (ბალაღ-ი) азербайдж. яйлаг „летнее пастбище“.

7. Известное в грузинском слово „дума“ (დუმა), означающее С. С. Орбелиани ‘жир у хвоста овец и пр.’⁹, восходит, вероятно, к азербайджанскому ديمہ думба¹⁰, которое в свою очередь идет из персидских دنبال домбал „хвост“ и دنبه (домбе) „курдюк“¹¹. (ср.: русское „курдюк“ ← тюрк. гүйрюк ‘хвост’¹²).

8. Бугай, по груз. ბუგა (ბუღა) ← азербайджанское „буга“.

9. Наряду с различными названиями жировых—общим „ихими“, „ихимеули“ и отдельных их видов: „арбо“—‘топленое масло’, „чума“.

¹ См. проф. М. А. Ширалиев, Языки диалекты, Баку, 1949, стр. 224; (ср.: تولى توغلى П. Мелиоранский, Араб. филолог о турецком языке, стр. 87-88).

² С. С. Орбелиани, Грузинский словарь, под редакцией проф. И. Кипишадзе, проф. А. Шапишадзе, Тбилиси, 1928, стр. 141 (на груз. яз.).

³ Там же, стр. 422.

⁴ Языки диалекты, стр. 224.

⁵ С. С. Орбелиани, там же, стр. 143, 409.

⁶ Там же, стр. 100.

⁷ Хейвандарлыг терминология дугатли, Баку, 1940, стр. 48.

⁸ Хейвандарлыг терминология дугатли, Баку, 1940, стр. 42.

⁹ Указ. сочинение, стр. 422.

¹⁰ Султан-Меджид Ганшиев, Русско-тюркский словарь, Баку, 1922.

¹¹ Б. В. Миллер, Персидско-русский словарь, М., 1953, стр. 226.

¹² С. М. Гамиев, Русско-тюркский словарь, Баку, 1922, стр. 198, Толковый словарь русского языка под редакцией проф. Д. Н. Ушакова, I, 1552.

разновидность топленого масла¹ и др.², в грузинском имеется еще не национального, по видимому, происхождения слово კარაქ-ი қарак-и 'сливочное масло'. Персидское کَرَم кәре³ заимствовано азербайджанским или просто как кәрә⁴, или как первый компонент сочетания кәрә-ягы⁵ и кәрәяг (форма, встречаемая в азербайджанской речи Грузии; ср. также турецкое слово tereyağ⁶; яг — ياغ обще-тюркское слово — 'масло'). Вполне возможно, что груз. қарак-и (კარაქ-ი) происходит от азербайджанской формы слова кәрәягы — или кәрәяг. Фонетические расхождения слов кәрәягы || кәрәяг || کَرَم ياغ и қарак-и препятствуют такому выводу: азербайджанский гласный ә в грузинском всегда соответствует а — (ა) (напр.: арабско-азерб. сәһәр 'утро' в груз. = сар-и საბ-ი); вообще тюркские придыхательные согласные в груз. дают соответствующие абруптивные, в данном случае к ж: эскиламиш → эскламиш ცხილმობი ← eski 'старый', шафталы → шафталы შეფტალი 'персик' и др.⁶ Конечный же спирант غ г переходит в грузинском в смычный глухой к ჯ, точно так же, как заимствованное из персидского слово چراغ — чераг || чираг 'лампа', 'свеча', 'светильник'⁷ дадо в анлауте вместо придыхательного ч абруптив ჯ ჯ и вместо конечного спиранта غ г глухой смычный კ ჯ 'қрак-и' კრაქ-ი ('коптилка'); следовательно: азербайджанское кәрәягы || кәрәяг преломилось в грузинском в виде қарак-и კარაქ-ი (сравни: персидское چراغ — қрак-и — კრაქ-ი).

В словарном составе грузинского языка налицы также азербайджанские слова, связанные с рыбным хозяйством. Грузинское „дош-и“ (დოშ-ი ср. арм. զոշ также из азерб. дөш)⁸ означает рыбу, называемую по-русски „тёшка“. Происхождение данного слова таково: „дөш“ по-азербайджански значит вообще „грудь“, в суженном значении „дөш“ (груз. дош-и) „передняя часть, 'грудника' определенной рыбы (сравни: рус. „балык“;

¹ С. С. Орбелиани, Грузинский словарь, Под редакцией проф. И. Кипшидзе и проф. А. Шанидзе, Тбилиси, 1926, стр. 422.

² И. Ягелло, Персидско-русский словарь, Ташкент, 1909, стр. 1249; J. Th. Zenker. Dictionnaire turc-arabe-persan. Leipzig, 1866, стр. 747; J. Deau. Le noms composés en turc de Turquie. Bulletin de la Société de linguistique de Paris, т. 50, Париж, 1954, стр. 160.

³ Азербайджанско-русский словарь, Баку, 1951, стр. 111.

⁴ Русско-азербайджанский словарь, Баку, 1946, стр. 385.

⁵ Д. А. Магазаник, Турецко-русский словарь, М., 1945, стр. 610; первый компонент турецкого tereyağ—(tere, думаю, тоже персидское تَرَم со значением 'свежий' (см. Zenker, Dictionnaire..., стр. 26), если تَرَم не фонетическая разновидность کَرَم.

⁶ См. Грузинско-турецкая „Учебная книга“ XVIII в.—«Труды Института языкознания» АН Груз. ССР, Серия восточных языков, I, стр. 204.

⁷ Б. В. Миллер, Персидско-русский словарь, М., 1953, стр. 162 (срав.: А. Шанидзе. «М. Г. Джанашвили. Саягидо. Рецензия в «Зан. Восточн. отд. имп. русск. археол. общества», т. XXII, стр. 12: հիմալ [перс. چراغ] კრაქი, светильник).

⁸ Ю. Мирбабаев, О взаимоллиянии, взаимосвязи, или, точнее, общности азербайджанского и армянского языков, «Труды Института языка» Азерб. АН, т. 1, Баку, 1947, стр. 16.

груз. „зургнели“, здания, спичная — по груз. спича „зурги“ — часть известной рыбы). К стати сказать и русское тёш-ка (-ка — известный русский суффикс) восходит также к тюркскому теш, что то же слово, что и азербайджанское дёш. Только русским языком оно заимствовано из тех языков тюркской группы (кумыкский, ногайский и т. д.), в которых в начале слова звонкого д вообще нет и его соответствием является глухой т (сравни: демир || темир „железо“, даг || тав „гора“, дил || тил „язык“ дёш || тёш „грудь“ и т. д.).

Грузинское название рыбного продукта нан-и оѳ-и ‘боковая часть определенной рыбы’ → азерб. ян ‘бок’.

Азербайджанского же происхождения также грузинское хизилала (ხიზილალა) ‘икра’. В этом слове мы должны иметь „хизыл“ (диалектальное от „гызыл“ ‘красный’ + „ала“ ‘пестрый’, следовательно ‘красно-пестрого’ цвета, что могло быть названием определенной породы рыбы, дающей продуктивную икру. В самом деле в персидском языке оказалось, вероятно, из азерб. заимствованное слово «قرل آلا ‘форель’»¹ (= диалектически: хизыл-ала → груз. хизилала — ხიზილალა; сравни: азербайджанское „ада бзылг“ — ‘форель’, „гызыл балыг“² и др.). Начальное ق в грузинском даёт и „х“: قريل → хизыл — ხიზილ (ჯ) (сравни: грузинское „хартут“ ‘чёрная тута’ из азербайджанского قره توت || „гаратут“ с выпадением второго гласного „а“³).

Весьма вероятным представляется также сближение азербайджанского күүрү и груз. ჭირიტ-ი — квирит-и ‘икра’ (сырая). В слове „квирит“ „ви“ совершенно закономерно от азербайджанского гласного ү (сравни: Гюнджистан ← Курчүстан в турецкой речи грузинского населения Южной Грузии). Второе гласное в „күүрү“ — ү это литературная форма; в диалектах и в древне-азербайджанском, наверное, имели „күри“. Пока остается без объяснения конечный согласный груз. „квирит“-и.

Грузинами из азербайджанского языка усвоены также целый ряд кулинарных терминов, связанных опять таки с развитием важной отрасли народного хозяйства в Азербайджане — животноводством. Только на азербайджанской почве можно объяснить названия грузинских блюд: 1) толма (ტოლმა) ← азерб. „долма“ (от глагола долмаг ‘наполняться’, долма ‘наполненный’), ‘толубшы’ („ярнаг долма-сы“ ‘фаршированный виноградный лист’, „кәләм долма-сы“ ‘фаршированная капуста’, „памадор долма-сы“ ‘фаршированные помидоры’⁴; 2) кизартма (კიზართმა) ← азерб. кизартма (от глагола кизартмаг ‘жарить’), ‘жаркое’⁵; 3) буглама (ბუღლა-

¹ Б. В. Миллер. Персидско-русский словарь, М., 1953, стр. 381.

² М. А. Ширалиев, Бакы диалекти, стр. 225. Мысль об азербайджанском происхождении груз. „хизилала“ мне подсказал доц. А. С. Лекиашвили.

³ М. А. Ширалиев, Бакы диалекти, 230. Д. Чубинов. Грузинско-русский словарь, СПб., 1887, стр. 1723.

⁴ М. А. Ширалиев, Там же, стр. 232. Русско-азербайджанский словарь, Баку, 1940, стр. 521.

⁵ Русско-азербайджанский словарь, стр. 725.

ლამა) ← азерб. буг, 'пар' бугламаг, 'парить', буглама 'пареное в закрытой посуде мясо', 4) каурма (ყაურმა) ← азерб. гоурма (от глагола гоурмаг 'жарить в собственном соку') — 'жаренное в соку (мясо)', 5) чихиртма (ჩიხირტმა) ← азерб. чыгиртма¹ 'суп особого рода', 6) бозбаш (ბოზბაშ) ← азерб. бозбаш² и др.

Приведенные материалы можно увеличить еще несколькими словами другого порядка: грузинское охунджи (ოხუნჯი) — 'шут', 'шутник' идет из азербайджанского оху (основа гл. охумаг — 'читать') + аффикс джи (—чи, —чу), образующий слова со значением занятия, профессии, склонности и др. «Охунджи» (охучу) в азербайджанском значит 'чтен, художественный чтен', 'артист'³. Грузинское значение слова «охунджи» представляет собой дальнейшее развитие второго азербайджанского значения 'художественный чтен', 'читающий развлекательные вещи', и, наконец, 'шутник'. В грузинском оху-н-джи примечательно фонетическое (обычное) «н» перед дж.

Особый интерес представляет заимствованный грузинским из азербайджанского глагол чеква (ჩეკვა), в котором мы имеем основу азербайджанского глагола чэк(-мэк) и грузинский формант — па (ვა), образующий масдарную форму глагола (сравни: чмс-ва — ჯმე-ვა, 'кормить', шецва — შეწ-ვა, поджаривание и др.). Значение грузинского «чеква» полностью совпадает с одним из значений азербайджанского глагола «чэкмэк» 'курить', 'тянуть папироску'. ჩეკვა, პაპიროზის ჩეკვა — პაპიროზის წევა. «ჩეკვი გიგლა დგაა მთელა დღე და პაპიროზსა ჩეკვამს — чеква», «папиросис чеква» — 'курить папироску', «папиросса чечкамс» 'курит папироску'. К заимствованиям такой категории примыкает также грузинский глагол «чок-еб-а» || «чок-ва» из азербайджанского глагола «чөк(-мэк)» со значением 'стать на колени', 'преклонить колени' (сравни также: армянское չոկել (чокел) ← азерб. чөкмэк 'присесть'⁴. В этой связи интересно наличие в грузинском (диалектах) масдара ჯოხ + ვა — коч + ва 'переселяться', 'кочевать'⁵ из азербайджанского көч (мэк) и том же значении (сравни: также заимствованное из азербайджанского русское «коч+свзть» и новоярмянское ղոչել — коч + ел).

Грузинское пиначи (ფინაჩი) идет из азербайджанского пиначи (от ал. пина 'латка') — 'башмачник, занимающийся починкой грубой обуви'. Грузинское значение «пиначи» более расширенное, а именно, значит 'всякий бракодел', 'всякий мастер, недобросовестно и неумело выполняющий работу'.

¹ М. А. Ширалиев, Баки диалекты, стр. 232.

² Там же, стр. 231.

³ Русско-азербайджанский словарь, т. IV, 971.

⁴ С. Б. Ментешашвили, Словарь кизикского диалекта (из груз. яз.), Тбилиси, 1943, стр. 225.

⁵ Ю. Мирбабаев, О взаимовлиянии, взаимосвязи или, точнее, общности азербайджанского и армянского языков, «Труды Института языка АН Азерб. ССР, т. I, Баку, 1947, стр. 16.

⁶ Н. Марр, Георгий Мерчут, Жизнь св. Григория Хандзтийского с дневником поездки в Цахуию и Кларджию. СПб., 1911, стр. 118 (примечание).

Грузинское архейнад (არხეიანად) 'беспечно', 'спокойно', 'невозмутимо' восходит к азербайджанскому „архайын“ с теми же значениями. Арха-й-ын (состоит из арха—'спина', 'подмога'+аффикс -ын) значит буквально '(человек) с поддержкой, с опорой'; в грузинском слове „архейнад“—ад—аффикс примерно такой же функции, как и азербайджанский —ын и т. д. (ср. азерб. „архени“ и в армянском)¹.

Кстати отметим, что вопрос об азербайджанских заимствованиях в грузинском более или менее разработан в том смысле, что в грузинских диалектологических и переводных словарях зафиксировано солидное количество азербайджанских лексических элементов с соответствующим указанием на их происхождение². Собираание и всестороннее изучение этих заимствований — очередная задача азербайджанских и грузинских языковедов.

¹ Ю. Мирзабаев, цитир. работа, стр. 17.

² R. Mesckelein, Georgisch-deutsches Wörterbuch, Berlin, 1928; В. Беридзе, Грузинский глоссарий по нхерскому и рачинскому говорам, СПб, 1912; И. Чкошия, Грузинский глоссарий, СПб, 1910; А. Шаиндзе, მ. გ. ჯანაშვილი. სიხვილო მ. გ. ჯანაშვილი. საწყისი (в ფული სავარჯიშო (Древняя Грузия), т. II, отд. 4, стр. 51—276 с поправками и дополнениями на стр. 350—352. Тифлис, 1913, 231 стр.) «Записки Восточного Отделения Имп. Русского Археологического общества», т. XXII. Ю. Абуладзе, Грузинские версии Шах-наме, т. I, Тбилиси, 1916 (Словарь, стр. 791—849). Ю. Абуладзе, Грузинская советская литература XII века и «Витязь в тигровой шкуре», Тбилиси, 1922 (приложенный словарь) и др.